

УДК 316.75
ББК 60.563.0
С 13

Е.С. Сагалаева,

кандидат юридических наук, доцент юридического института Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь, тел.: +79624390000, e-mail: 9624390000@mail.ru

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОТНОШЕНИЯ К ИСТОРИЧЕСКОМУ ПРОШЛОМУ В ПОВСЕДНЕВНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИКАХ

(Рецензирована)

Аннотация. В статье говорится, что всякому обществу, переживающему острый социокультурный кризис и время социальной нестабильности, присущ феномен «актуализации прошлого». Идеологическое измерение отношения к прошлому в повседневных социальных и культурных практиках проявляется в апелляции к артикулированному историческому прошлому.

Ключевые слова: повседневность, отношение к историческому прошлому, исторический нарратив, культурные практики.

E.S. Sagalaeva,

Candidate of Law, Associate Professor of Law Institute of the North Caucasus Federal University, Stavropol, ph.: +79624390000, e-mail: 9624390000@mail.ru

THE IDEOLOGICAL DIMENSION OF THE RELATIONSHIP TO THE HISTORICAL PAST IN EVERYDAY CULTURAL PRACTICES

Abstract. The author underlines that every society is experiencing a severe crisis and socio-cultural time of social unrest, inherent in the phenomenon of “actualization of the past.” The ideological dimension of the relationship to the past in everyday social and cultural practices is manifested in appeals to articulate the historical past.

Keywords: daily, related to the historical past, historical narrative, cultural practices.

Идеологическое измерение повседневности означает, прежде всего, что повседневные практики наделяются определенным значением и смыслом. Идеология пронизывает обыденность, отражаясь в социальных представлениях и надеждах обычных людей. Важную роль при этом играет переосмысление прошлого, как пишут ростовские исследователи, «процесс всегда болезненный и, вопреки ожиданиям, далекий от осознания его новых образов» [1; 25].

История и историческое познание выступают в качестве рефлексии социальности.

Социальные и духовные процессы нашего времени не просто обостряют проблему предназначения исторического знания, но и заставляют во многом по-иному посмотреть на его природу и сущность, поскольку объемы социального знания стремительно увеличиваются.

Представители политических и интеллектуальных элит выступают

как «конструкторы» идеологических практик, то есть деятельности в сфере производства идеологии.

Идеология может конструироваться и использоваться в качестве инструментальной функции организованными и институционально оформленными группами [2], выступая плодом институционального производства, сориентированного на удовлетворение потребности и овладение политическими и социальными выгодами или участниками организованного сообщества, группы, или массами, создавая по преимуществу однолинейную зависимость между организованной элитой и массами.

В качестве важной составной части конструирования идеологии выступает фактор и обстоятельства «актуализации исторического прошлого».

В социальной мысли давно уже обращалось внимание на то, что практически всякому обществу во времена кризисов и неопределенности присуще явление актуализации прошлого. При этом многие историки делают акцент на то обстоятельство, что в последние десятилетия XX столетия методологические основания исторического познания столкнулись с потрясением со стороны «постмодернистского вызова».

Согласно отечественному историку В. Козлову, существует просто «прошлое», существует «актуальное» прошлое, существует «история» как «прошлое» и, наконец, существуют «реалии и мифы» подобной истории. Исторических «реалий», то есть того, что общепринято в историческом сообществе, того, что не подвергается отрицаниям или сомнениям, не так уж и много. Исторические «реалии» – это факты, события и их совокупность, которые находят подтверждение в документах.

Все прочее, начиная с интерпретации исторических фактов, событий и взаимосвязей между ними и заканчивая констатацией исторических явлений и процессов, кон-

струированием на этой основе исторических построений, есть только реконструкция произошедшего, основанная на общепризнанных фактах, либо на совокупности домыслов, гипотез, предположений, вероятностей. В худшем случае это есть не что иное, как мифы [3].

Конструирование «настоящего», согласно Г. Зверевой, полностью обусловлено задачами формирования и презентации «прошлого» и «будущего», отличающегося «привлекательностью». В итоге в обыденном сознании общества складывается общая ментальная карта «нашего прошлого», которая становится востребованной в ситуации омассовления парадигм отечественной истории и их приспособления к властно-нормативным форматам общего медийного пространства. Таким образом, положительный образ будущего мыслится в имперско-державных контурах [4].

Идеологическое измерение отношения к прошлому в повседневных культурных практиках прочитывается через философскую концептуализацию, задающую основания и нормативы частных социально-гуманитарных научных дисциплин и осуществляющую рефлексивную деятельность по осмыслению их предмета и их своеобразия.

С проблемным полем обыденного и теоретического знания связано функционирование разнообразных, соперничающих между собой идей, воззрений, концепций, стремящихся выйти на уровень социально-философского осмысления судеб России, описать в соответствующих терминах меняющуюся социальную реальность постсоветского общества и выступающих в качестве неких схем смысловой консолидации и, вместе с тем, смыслового и мировоззренческого размежевания.

Идеологическое измерение отношения к историческому прошлому в повседневных культурных практиках связано с тем, что идеология способна работать в социокультурном

процессе не просто в качестве рационализированной системы идей и воззрений, но как идеологическая метафора, воспроизводящая устойчивые ценностные значения и смыслы.

Идеологическое измерение отношения к прошлому в повседневных культурных практиках проявляется в процессах разработки или уточнения понятийно-категориального инструментария анализа современной российской трансформации, когда социально-философская рефлексия активно обращается к историческому прошлому.

Социальные и духовные процессы нашего времени не просто обостряют проблематику предназначения всего комплекса исторических знаний, но также заставляют иначе посмотреть на его природу и сущность, поскольку объемы социального знания стремительно увеличиваются.

В когнитивное проблемное пространство входит все более широкий и объемный круг явлений, тем, сюжетов. Подобная «множественность» создает серьезные теоретико-методологические трудности, осложняя строительство «костяка» исторического познания как одной из важных составных частей историософского осмысления мира социальности.

В результате историческая наука превратилась в «мультипарадигмальную дисциплину», в когнитивную среду многообразных гипотез, мнений, взглядов и интеллектуальных «языковых игр», вследствие чего историческая реальность как бы растворяется во множественности теоретических конструкций и концептуальных построений [5; 336–337].

В качестве одной из основных мировоззренческих коллизий нашего времени многие из философов и историков ощущают «разрыв времен», который наблюдается между историческим прошлым и исторической памятью, и, соответственно, между историческим сознанием и сложившейся реальностью.

В подобной ситуации представители российской политической и интеллектуальной элиты пока еще не могут прийти к общему согласию в отношении желаемого будущего страны. Поэтому и продолжаются бескомпромиссные и острые споры о прошлом, когда предлагаются его разные и зачастую несовместимые образы. Для одних наше прошлое видится светлым и заслуживающим реставрации, в глазах других – это проклятое прошлое, подлежащее не возрождению, но преодолению [6; 9].

Для одних наша отечественная история – это история «тысячелетнего рабства» и произвола власти. Другие усматривают в ней историю героизма, великих побед и славных свершений, что связывается с особой духовностью русского народа, который сумел создать мощное государство [7; 13].

Согласно политическому философу И.И. Глебовой, историк, обращаясь к историческому прошлому, не просто накапливает сумму фактов, которые он трактует как угодно, но, вместе с тем, он выполняет важную социальную функцию, подвергая общество анализу, стремясь понять его глубинную сущность, уяснить и зафиксировать тенденции его развития.

В государствах, которые отличается развитая, устоявшаяся демократия, историк как бы несет ответственность за самоанализ социума, давая ему адекватное знание о нем самом. Здесь историки формулируют координаты – что можно, и что не следует делать с данным социумом, какие болезни, вызовы и искушения способны представлять для него опасность.

Однако у нас, по оценкам И.И. Глебовой, история не имеет статуса полноценной области самопознания общества. Поэтому она предоставляет то правду, заказанную властями, то правду, которую ожидает общество. Иначе говоря, имеет место как бы анархическая самопрезентация через фактор прошлого [8].

Идеологическое измерение отношения к историческому прошлому в повседневных культурных практиках накладывается на процесс политизации истории.

Для отечественного историка А.И. Миллера политизация истории выступает в качестве «неизбежной и неизбывной вещи». Она начинается уже на индивидуальном уровне: в ходе своих исследований каждый из историков в большей или меньшей мере находится под воздействием сложившейся в стране политической и социальной обстановки, индивидуальных политических взглядов, а также этнической и конфессиональной идентификации [9; 6].

Сегодня обращение к прошлому выступает в качестве источника легитимации политических предпочтений. Во имя достижения конкретных политических целей мы наблюдаем «инструментализацию» прошлого. В то же время эмоционально нагруженные оценки исторических фактов, событий, выдающихся личностей и государственных деятелей, героев и антигероев превращаются в некие ценностные ориентиры, которые определяют как отношение к современной реальности, так и поведенческие установки индивидов.

«Идея прошлого» обретает все более значимую роль в стратегиях и тактиках властных отношений.

В конечном счете, результатом подобной «исторической политики» в российском обществе становится востребование символов возврата и реставрации и отказ от символов перемен.

Подобное смещение «центра тяжести» присуще всем уровням – властным структурам, средствам массовой информации, широким слоям населения. Фоном всего этого становится «церемониализм властей», основанный на новейших медиатехнологиях, когда на экранах телевизоров по мере приближения выборов мы наблюдаем «театраль-

ный спектакль», исполняемый политиками. Подобным театральным постановкам отвечает и поведение зрителей, «спектаторство массы» [10; 21].

Таким образом, идеологическое измерение повседневности означает, прежде всего, что повседневные практики наделяются определенным значением и смыслом. Идеология пронизывает обыденность, отражаясь в социальных представлениях и надеждах обычных людей, выступая результатом институционального воспроизводства, призванного удовлетворять потребности и реализовывать политические и социальные выгоды. Это касается как участников организованных социальных групп, так и широких масс, и связано с созданием однолинейной зависимости между организованной элитой и человеком массы.

Знание, в том числе о прошлой социальной реальности, выступает в качестве важного компонента, связанного с философским, религиозным, историческим сознанием. Подобные виды сознания принимают весьма активное и деятельное участие в создании образа прошлого, существующего в каждом обществе.

Всякому обществу, переживающему острый социокультурный кризис и время социальной нестабильности, присущ феномен «актуализации прошлого». Идеологическое измерение отношения к прошлому в повседневных социальных и культурных практиках проявляется в апелляции к артикулированному историческому прошлому, что увязывается, в том числе, с социально-философской рефлексией над феноменом актуализации прошлого в плоскости столкновения разнообразных философско-исторических взглядов и проблематики «мобилизации прошлого» в идеологических практиках, присущих современной политической, художественной и интеллектуальной элите.

При этом идеологическое измерение отношения к историческому прошлому в повседневных культурных практиках связано с тем, что идеология способна проявляться в форме идеологической метафоры.

Идеологическое измерение отношения к прошлому в повседневных культурных практиках проявляется в апелляции к историческому прошлому и накладывается на процесс политизации истории.

Именно с современным состоянием российского общества связано

формирование исторического нарратива властей, обусловленного политическими претензиями и идеологическими мотивациями политического режима, когда «вычленяются» определенные фрагменты исторической памяти, необходимые для формирования должной идеологической модели. Происходят противоречивые процессы инструментализации исторического прошлого во имя достижения политической элитой и правящим классом конкретных социальных и политических целей.

Примечания:

1. Кринко Е.Ф., Тажиудинова И.Г., Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011.
2. Фролова А.С. К определению и характеристике идеологического пространства России // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 12.
3. Козлов В. Настоящее прошлое. От каких исторических мифов нам предстоит избавиться? // Российская газета. 2008. 23 мая.
4. Зверева Г. Вечная война // Критическая масса. 2005. № 2.
5. Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. М., 2004.
6. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? 2-е изд., испр. и доп. М., 2008.
7. Российское государство: вчера, сегодня, завтра / под общ. ред. И.М. Клямкина. М., 2007.
8. Мобилизация прошлого: беседа поэта Андрея Расторгуева с историком и политологом И. Глебовой // Урал. 2009. № 8.
9. Миллер А. Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. № 3–4.
10. Дубин Б. Символы возврата вместо символов перемен // Pro et Contra. 2011. Т. 15, № 5.

References:

1. Krynkо E.F., Tazhidinova I.G. Hlynina T.P. Everyday world of a Soviet man of 1920–1940-ies.: life in social transformation. Rostov-on-Don: PH SSC RAS 2011.
2. Frolova A.S. To the definition and characterization of the ideological space in Russia // Social-humanitarian knowledge. 2014. No. 12.
3. Kozlov V. Real past. From what historical myths we have to get rid of? // Rossiyskaya Gazeta, 2008, May 23.
4. Zvereva G. Everlasting war // Critical Mass 2005, No. 2.
5. Lubsky A.V. Alternative models of historical research. M .. 2004.
6. Akhiezer A., Klyamkin I., I. Yakovenko I. History of Russia: the end or a new beginning? / 2nd ed., rev. and add. Moscow, 2008.
7. The Russian government yesterday, today and tomorrow / Ed. I.M. Klyamk. Moscow, 2007.
8. Mobilisation of the Past: Interview of poet Andrei Rastorguev with historian and political scientist I. Glebova // Ural, 2009, No. 8.
9. Miller A. Russia: the power and history // Pro et Contra, 2009, No. 3–4.
10. Dubin B. Symbols of return instead of change symbols // Pro et Contra, September – October 2011, Vol. 15, No. 5.